

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя И., представителя заявителя И. - В. (доверенность ..., реестровый номер ... от 20 июля 2021 года, удостоверена нотариусом города Москвы О.; паспорт гражданина РФ серия ... № ..., выдан ОВД «...» города Москвы 19.03.2002), адвоката А., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе И. от 12 августа 2021 года (вх. № ... от 19.08.2021) в отношении адвоката А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 19 января 2022 года адвокатом А. допущено:

1) ненадлежащее, вопреки положениям абз. 3 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат вправе инвестировать средства и распоряжаться своим имуществом, включая недвижимость, а также извлекать доход из других источников, например, от сдачи недвижимости в аренду (наем), если эта деятельность не предполагает использование статуса адвоката») и п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в том, что в ходе оказания юридической помощи доверителю И. он за свой счет приобрел у И. на основании Договора уступки права требования № ... от 26 ноября 2020 года имущественные права требования к доверителю И. на сумму 2 900 000 рублей, возникшие из заключенных между И. и ООО «...» договоров займа от 27 декабря 2017 года и от 09 января 2018 года, фактически уплатив за них И. 100 000 рублей;

2) нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре), выразившееся в том, что, получив в ходе оказания юридической помощи доверителю И. информацию о наличии у И. долговых обязательств перед ООО «...» в сумме 2 900 000 рублей,

возникших из заключенных между И. и ООО «...» договоров займа от 27 декабря 2017 года и от 09 января 2018 года, и приобретя по просьбе И. данные права требования за 100 000 рублей на основании Договора уступки права требования № ... от 26 ноября 2020 года, заключенного с И., он, действуя вопреки интересам И. и ранее достигнутой договоренности, предъявил 20 апреля 2021 года в Н. районный суд Н. области иск о взыскании с И. задолженности по вышеуказанным договорам займа в сумме 2 650 000 рублей.

Заявитель И. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним; отметила, что не согласна с одним выводом Заключения.

Адвокат А. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, не согласился с выводами Заключения, поддержал свои письменные возражения.

Иные объяснения, данные в ходе заседания Совета заявителем И., её представителем В. и адвокатом А., приведены далее.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства дела правильно установленными Квалификационной комиссией, но частично не соглашается с её выводами в силу следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что заявитель И. обратилась к адвокату А. за правовой помощью по поводу урегулирования своих долговых обязательств, связанных с предпринимательской деятельностью. Между ними были заключены договоры, в числе которых соглашения от 26 июня 2020 года об оказании юридической помощи № ..., № ... и № ..., предусматривавшие представление и защиту интересов И. как индивидуального предпринимателя.

06 ноября 2020 года И. подписала отчеты «о выполненных услугах», подтвердив, что юридическая помощь по перечисленным соглашениям оказана адвокатом А. надлежащим образом, своевременно и в полном объеме, а также, что оказание юридической помощи по этим соглашениям прекращается с 03 ноября 2020 года.

Кроме того, адвокат А. на основе соглашения об оказании юридической помощи № ... от 10 апреля 2020 года представлял интересы ООО «...», где И. была генеральным директором.

В этот же период времени у И. возникла необходимость исполнения долговых обязательств перед ООО «...» (далее - ООО «...»), возникших из договоров займа: от 27 декабря 2017 года на сумму 1 250 000 рублей и от 09 января 2018 года на сумму 1 650 000 рублей. В этом она также рассчитывала на содействие адвоката А., оказывавшего ей в тот же период правовую помощь по вопросам, касающимся взаимоотношений с иными контрагентами. В ходе проводившихся переговоров заинтересованных лиц и их представителей обсуждалась возможность уступки третьему лицу прав

требований к И. в целях её освобождения от долговых обязательств по договорам займа. В результате между ООО «...» (Цедент) и гражданином И. (Цессионарий) был заключен договор уступки прав требования от 01 июля 2020 года, на основании которого последним приобретены указанные выше права требования ООО «...» к индивидуальному предпринимателю И.

После этого, 26 ноября 2020 года между И. (Цедент) и адвокатом А. (Цессионарий) был заключен Договор № ... уступки права требования, согласно которому И. уступил, а А. принял в полном объеме право требования в отношении финансовой задолженности по заключенным между ООО «...» (займодавец) и индивидуальным предпринимателем И. (заемщик) договорам займа от 27 декабря 2017 года на сумму 1 250 000 рублей и от 09 января 2018 года на сумму 1 650 000 рублей. Адвокат А. уплатил И. за уступаемые права требования 100 000 рублей, в подтверждение чего им была выдана расписка от 26 ноября 2020 года.

Полагая, что И. не в полной мере рассчиталась с ним за выполненную работу, адвокат А. в декабре 2020 года предложил ей это сделать, а 14 февраля 2021 года направил письменные «Требования/претензии об оплате задолженности по Соглашениям об оказании юридических услуг от 09 февраля 2021 года (по Соглашениям № ..., № ... и № ... от 26 июня 2020 года)». 23 апреля 2021 года адвокат А. подал в суд исковое заявление о взыскании денежных средств, не выплаченных ему по Соглашению № ... от 10 апреля 2020 года. 02 августа 2021 года И. районным судом города Москвы по делу № ... вынесено решение в пользу адвоката А., которым с ООО «...» (генеральный директор – И.) взыскано 1 000 000 рублей, а во встречном иске о признании Соглашения недействительным отказано.

Кроме того, 20 апреля 2021 года адвокат А. подал исковое заявление к индивидуальному предпринимателю И. (третьи лица И. и ООО «...») о взыскании задолженности по договорам займа в сумме 2 650 000 рублей, права требования по которым приобретены адвокатом А. на основании указанного выше Договора уступки права требования от 26 ноября 2020 года № В настоящее время гражданское дело № ... по этому иску рассматривается П. районным судом города Москвы.

В поданной в Адвокатскую палату города Москвы жалобе И., в числе прочего, указала, что все использованные способы и средства защиты её интересов были предложены адвокатом А., представлявшим её интересы, в том числе, при согласовании и подписании всех необходимых документов. Под предлогом защиты И. от неправомерных требований о возврате сумм по договорам займа адвокат А. предложил ей «первым этапом» оформить уступку прав требования по договорам займа на него как на физическое лицо с гарантией последующей уступки прав требования сестре И. - В. В результате 26 ноября 2020 года уступка прав требования по всем договорам займа была совершена в пользу адвоката А.

В последующем адвокат А. отказался от уступки прав требования по договорам займа В., более того - предъявил к И. претензию с требованием о возврате денежных средств по договорам займа в полном объеме. Получив

отказ в удовлетворении его претензии, адвокат А. обратился в суд с исковыми требованиями к И. о возврате заемных денежных средств на основании ранее подписанных договоров уступки права требования.

И. также указала в жалобе, что адвокат А., злоупотребляя её доверием, *«обманным путем переоформил на свое имя»* договоры уступки права требования к И., как индивидуальному предпринимателю, и в настоящее время, *«будучи осведомленным о заведомой необоснованности собственных действий, выдвигает незаконные требования о возврате денежных сумм»*. По мнению заявителя, указанные действия противоречат нормам профессиональной этики адвоката, установленным ст. 5 и пп. 8 п. 1 ст. 9 КПЭА.

По мнению И., последовательность действий адвоката А. в отношении неё свидетельствует *«о первоначальных корыстных намерениях адвоката»* по введению доверителя И. *«в заблуждение относительно характера и потенциальных последствий имеющихся споров»*, о чем говорит обманное получение адвокатом на себя как на физическое лицо прав требований к И. В связи с изложенным заявитель И. полагает, что совершенные адвокатом А. действия несовместимы со статусом адвоката и потенциально способны причинить вред не только его доверителям, но и репутации адвокатского сообщества.

После завершения разбирательства в Квалификационной комиссии в Адвокатскую палату города Москвы от адвоката А. поступило *«Заявление о приобщении документов, в рамках дисциплинарного производства о выдаче протокола дисциплинарной комиссии по жалобе»* от 26 января 2022 года (вх. № ... от 26.01.2022), где он указал, что обстоятельства, описанные в жалобе от имени И., идентичны обстоятельствам, являющимся предметом рассмотрения гражданского процесса по делу № ..., в котором судом рассматриваются его действия по приобретению прав требования по обязательствам бывшего доверителя. 24 января 2022 года в П. районный суд города Москвы от И. был подан встречный иск, где она просит дать оценку возможности приобретения им, А., прав требования по договору уступки и основывает свою позицию на нормах ГК РФ.

По мнению адвоката А., налицо однотипность предмета спора, который находится на рассмотрении суда и адвокатской палаты. Приоритет в его решении находится у суда, так как любой иной орган не вправе предрешать обстоятельства, являющиеся предметом рассмотрения в суде общей юрисдикции.

К данному *«Заявлению»* адвокат А. приобщил встречное исковое заявление И. как *«дополнительный документ, который если и не исключает дальнейшее вынесение решения Советом адвокатской палаты города Москвы, то обязывает учитывать тот, при определении наказания адвокату»*.

Кроме того, от адвоката А. поступили Замечания от 21.02.2022 на *«Заключение дисциплинарной комиссии от 19 января 2022 года»* с приложением документов на 27 листах (вх. № ... от 22.02.2022). В них

утверждается, что обвинение в дисциплинарном проступке и доказательства этому строятся на допущениях и предположениях. Бывший доверитель И. имеет перед ним «претензионную» задолженность на сумму более 1 500 000 рублей, которую заинтересована не исполнять, и этому Квалификационной комиссией не дана оценка.

Адвокат А. полагает, что Квалификационная комиссия вышла за пределы своих полномочий, расширительно толкует предмет «соглашений», а также период их действия. Считает, что его действия во взаимоотношениях с И. *«должны рассматриваться исключительно как лица, действующего за рамками заключенных Соглашений»*. По мнению адвоката А., Комиссия проявила недопустимую предвзятость по отношению к нему в угоду интересам И., незаконно квалифицировала сделку как *«фиктивную/притворную/мнимую, то есть недействительную»*, а также стала исследовать документы и материалы арбитражного дела, которые не являются предметом дисциплинарного производства.

Адвокат А. также поясняет, что подписанные документы по договору уступки права требования он получил в декабре 2020 года, после чего, дождавшись возвращения И. из длительного заграничного отдыха, предложил ей произвести выкуп обязательств. Но, не получив предложений по выкупу прав требования, *«в соответствии с действующим законодательством, произвел единственное предусмотренное действие (ряд действий), направленных на исполнение предмета «Договора уступки»»*.

Как полагает адвокат А., требование, предусмотренное абз. 3 п. 3 ст. 9 КПЭА, не ограничивает лиц, имеющих статус адвоката, в инвестировании и извлечении доходов из иных источников, но это участие должно осуществляться в сделке не как адвокатом, а как физическим лицом. Доказательств того, что сделка была произведена им как адвокатом, в Заключении не содержится. Кроме того, Комиссия не привела в обоснование своей позиции ни один документ, в котором он как адвокат брал на себя обязательства удовлетворить волю И. по переоформлению уступки прав требования. Считает, что он *«не подорвал к себе доверия как высококлассного специалиста»*, а также отрицает, что его действия привели к подрыву доверия к адвокатуре.

Отвечая на вопросы в заседании Совета, адвокат А. пояснил, что не видит возможности для примирения с заявителем, поскольку не понимает сути претензий И. Комплексного соглашения у него с И. не было. Его действия по заключению договора об уступке права требования не охватываются соглашением и не могут оплачиваться. Эти действия не являются предметом поручения И. Она обратилась к нему с просьбой принять участие в этой сделке, так как у него с ней были взаимоотношения личного характера. Если бы он имел намерение обмануть, то бы мог поставить любого другого знакомого человека.

Он не предполагал, что переуступка права требования является незаконной или сомнительной сделкой, и доверял И. Он не думал, что здесь могут возникнуть какие-то проблемы, а считал, что она впоследствии

переоформит и выкупит долги на себя или на своих родственников, как и предполагалось. Но И. этого не делает, а подала на него жалобу.

Он (адвокат А.) планировал заключение договора уступки права требования с его участием, как Цедента, с последующей переуступкой (продажей) И. прав требования за 200 000 рублей без извлечения дохода. Затем он предъявил И. требования на всю сумму в соответствии с условиями договора цессии, и эти его требования должен разрешить суд. Он вправе этого потребовать, а также может потребовать и компенсацию судебных расходов и фактически понесенных затрат в размере 200 000 рублей. Прямой договоренности о дальнейшей судьбе приобретённого им права требования к И., включая срок его дальнейшей передачи и следующего цессионария, не было, это просто подразумевалось как этапы помощи И. по избавлению от долгов. Прямой просьбы И. об этом тоже не было. Предположение о том, что он, адвокат А. специально заключил договор уступки права требования, чтобы иметь возможность воздействовать на И. по ее задолженностям перед ним по ранее заключенным соглашениям, неверное.

Он предлагал И. забрать долги по себестоимости, что зафиксировано в письменном документе, и этот факт подтверждает, что он не собирался извлекать какую-либо выгоду. Поскольку И. не отвечала на его устные предложения, он стал оформлять документы письменно, передавая их ей.

Таким образом, адвокат А. считает, что нарушений в его действиях нет, так как И. сама попросила подписать договор уступки прав требования, причём к этому времени перестали действовать заключенные между ними соглашения об оказании юридической помощи, к тому же касавшиеся других юридических вопросов. Предъявляя к И. требования об уплате долга, он действовал не как адвокат, а просто как физическое лицо. По мнению адвоката А., намерения заявителя И. очевидны: использовать Адвокатскую палату города Москвы и дисциплинарное производство для укрепления своей позиции в суде по спорам с ним.

Заявитель И. подтвердила Совету, что возможности для примирения с адвокатом А. не усматривает. Они направляли друг другу свои предложения, но не договорились. А. хотел, чтобы она заплатила слишком большую сумму.

Также И. сообщила, что *«Решение по передаче долгов - это было комплексное решение по представлению моих интересов адвокатом А., это была часть общей сделки. Он представлял мои интересы. Я воспринимала его как своего адвоката»*. У неё, безусловно, была договоренность с адвокатом А. о том, что он заключает договор уступки права требования по займам с ООО «...» для того, чтобы в дальнейшем переуступить его указанным ею лицам. Срок действия этого договора не предусматривался, поскольку предполагалось, что А. является гарантом от предъявления ей этих долгов.

Адвокат А. предложил ей переоформить долг на него для того, чтобы не оформлять его на каких-либо ее родственников или доверенных лиц. Он должен был выступить неким гарантом в этой сделке, чтобы потом её нельзя было оспорить. Когда они встретились в феврале, И. предложила

переоформить все долги, которые выкупил адвокат А., на себя, а затем была определенная договоренность, *«но он отменил все договоренности, затем пошли иски»*.

Как утверждает заявитель И., адвокат А. до заявления иска не предлагал ей возместить фактически понесенные им расходы, а после того, что она отказалась передать ему долю в своей компании, сразу предъявил иск. У них не дошел разговор до оформления или передачи долга другим лицам, обсуждения сроков или условий, поскольку адвокат А. отказался обсуждать это, хотя она несколько раз поднимала вопрос о передаче прав.

Представитель заявителя И. - В. в заседании Совета пояснила, что единственное, с чем они не согласны – это то, что в действиях адвоката А. не усматривается нарушение п. 8 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее «КПЭА» – примечание Совета). В материалах дела достаточно доказательств, подтверждающих, что информацию о долге адвокат А. получил в рамках исполнения обязательств по оказанию юридической помощи, и в самом Заключении не раз об этом упоминается.

Совет отклоняет как несостоятельные доводы адвоката А. о том, что его действия не могут рассматриваться как совершённые адвокатом и не образуют дисциплинарного нарушения.

Прежде всего, Совет подчёркивает, что доверие к адвокатам со стороны обращающихся к ним за помощью лиц является непременным условием адвокатской деятельности. Как указано в п.1 ст.5 КПЭА, *убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему*. Это доверие не должно быть подорвано при выстраивании с доверителем финансовых отношений, прямо или косвенно связанных с исполняемыми адвокатом профессиональными обязанностями. Этот подход основан, в том числе, на традициях российской присяжной адвокатуры:

- *«Всякое заключение сделок по имуществу между присяжным поверенным и его доверителем в то время, когда дела доверителя находятся в руках этого поверенного, представляется вполне нежелательным, ибо оно всегда может быть источником нареканий на присяжного поверенного, что он воспользовался своим положением по отношению к доверителю ...»;*

- *«Смешение профессиональных обязанностей с личными денежными отношениями к доверителю безусловно недопустимо с точки зрения адвокатской этики»;*

- *«ограничение общегражданской правоспособности присяжного поверенного в сфере совершения имущественных сделок» вызвано «соображениями, истекающими из особой природы отношений между поверенным и его доверителем».*

(См.: Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России. М., 1913, [326, 330, 759]).

Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что в рассматриваемом случае в поведении адвоката А. следует выделить два взаимосвязанных действия, подлежащих оценке на предмет соответствия

требованиям профессиональной этики: приобретение статуса цессионария в целях завладения правом требования долга своего доверителя И.; заявление судебного иска к своему доверителю о взыскании долга по договору об уступке права требования.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что в период рассматриваемых событий заявитель И. воспринимала А. в качестве своего адвоката, на профессиональную юридическую помощь которого она рассчитывала для разрешения имевшихся у неё различных долговых обязательств. Подтвердив это в заседании Совета, И. уточнила, что с привлечением адвоката А. было запланировано осуществление комплексного решения скопившихся проблем, и такой подход подтверждается совокупностью доказательств, представленных в дисциплинарном деле.

Так, установлено, что именно в ходе оказания правовой помощи И. адвокат А. узнал о наличии у неё долговых обязательств перед ООО «...» и принял затем активное участие в разработке схемы их минимизации посредством использования юридических механизмов, предусмотренных гражданским законодательством. Это, в частности, следует из анализа переписки по электронной почте, произведенного Квалификационной комиссией (с.с. 22-23 Заключения). В этой связи Совет соглашается с выводом Комиссии о том, что адвокат А. получил информацию об обязательствах И. перед ООО «...» именно в ходе оказания юридической помощи И., и участвовал в обсуждении уступки прав требования ООО «...» к И. как адвокат, в том числе и в связи с оказанием И. юридической помощи по Соглашениям от 26 июня 2020 года № ..., № ... и № ... (с. 24). В итоге, будучи профессионально вовлеченным в заключение договора цессии и лично уплатив гр-ну И. 100 000 рублей, адвокат А. инвестировал свои средства и приобрел право требования к доверительнице И. на значительно большую сумму в размере 2 900 000 рублей.

По мнению Совета, для профессионально-этической оценки этих действий адвоката А. не имеет значения, было ли их совершение прямо предусмотрено каким-либо соглашением об оказании правовой помощи. Решающим является использование А. статуса адвоката, полученной при оказании юридической помощи информации и восприятие его доверителем И., как в тот момент, так и в последующем, именно в качестве адвоката.

Совокупность этих обстоятельств, достоверно установленных Квалификационной комиссией, свидетельствует о нарушении адвокатом А. требования абз. 3 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«Адвокат вправе инвестировать средства и распоряжаться своим имуществом, включая недвижимость, а также извлекать доход из других источников, например, от сдачи недвижимости в аренду (наем), если эта деятельность не предполагает использование статуса адвоката»*).

Вместе с тем, Совет полагает избыточной квалификацию этих же действий адвоката А. ещё и по п. 1 ст. 10 КПЭА (*«Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или*

*нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»). Квалификационная комиссия исходила из того, что именно доверитель И. попросила адвоката А. заключить в качестве цессионария указанный выше договор уступки права требования. Однако доказательств обращения И. с такой просьбой к адвокату А. в материалах дисциплинарного производства не имеется. При этом заявитель И. последовательно и категорически отрицает обращение к адвокату А. с такой просьбой и утверждает, что это была именно его инициатива. Соответственно, в её жалобе не содержится дисциплинарное обвинение в том, что А., заключая договор цессии, выполнял её просьбу или требование, и поэтому нарушение п.1 ст.10 КПЭА не могло быть вменено адвокату А. в силу предписаний п.4 ст.23 КПЭА (*Разбирательство в комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.*).*

В то же время Совет соглашается с Квалификационной комиссией об отсутствии в данном эпизоде признаков нарушения пп. 8 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат не вправе *«приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся предметом спора, в котором адвокат принимает участие как лицо, оказывающее юридическую помощь»*. Комиссия обоснованно признала, что приобретенные адвокатом А. права требования не являлись предметом спора, поскольку данные права передавались сначала от ООО «...», а потом от гр. И. на добровольных началах, в отсутствие на них чьих-либо притязаний.

Довод адвоката А. о том, что он, предъявляя к И. иск на основании приобретенного им права требования долговых обязательств, действовал как обычное физическое лицо, что якобы освобождает его от профессионально-этической ответственности за содеянное, Совет отклоняет как заведомо несостоятельный и прямо противоречащий фундаментальным требованиям профессиональной этики.

В соответствии с п.5 ст.9 КПЭА, в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения.

Совет также отклоняет довод адвоката А. о том, что дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не вправе рассматривать те же обстоятельства, которые в настоящее время исследуются в П. районном суде города Москвы суде в порядке гражданского судопроизводства. Этим утверждением адвокат А. демонстрирует непонимание соотношения компетенции суда при разрешении гражданско-правового спора, и компетенции органов адвокатского самоуправления оценивать этические

аспекты действий (бездействия) адвоката в связи с поступившей на него жалобой доверителя.

Кроме того, Совет признает несостоятельным и опровергнутым материалами дисциплинарного дела довод адвоката А. о том, что он намеревался взыскать с заявителя И. только фактически понесенные им расходы, а вовсе не весь её долг по обязательствам перед ООО «...». Согласно просительной части искового заявления от 16.04.2021, поданного адвокатом А. в Н. районный суд Н. области (вх. № ... от 20.04.2021), истец просит: взыскать с ИП И. в свою пользу 1 000 000 рублей в качестве долга по «Договору займа №1 от 27 декабря 2017 года», заключенному между ИП И. и ООО «...»; взыскать с неё денежные средства в сумме 1 650 000 рублей в качестве долга по «Договору займа №2 от 09 января 2018 года», заключенному между ИП И. и ООО «...», а также расходы на оплату государственной пошлины.

При этом для целей настоящего дисциплинарного разбирательства не имеют значения неоднократные ссылки адвоката А. на его предложение И. о выкупе за 200 000 рублей ею или её доверенными лицами прав требования, приобретенных им на основании Договора уступки права требования № ... от 26 ноября 2020 года, поскольку оно было направлено адресату лишь 30 сентября 2021 года, то есть уже после обращения И. в Адвокатскую палату города Москвы с жалобой от 12 августа 2021 года.

Как следует из пояснений И. и подтверждается иными собранными в деле документами, она доверяла адвокату А. не только разработать возможные способы переуступки прав требования, но и непосредственно участвовать в них, выступая в качестве своего рода гаранта достижения искомого результата: *«...Предполагалось, что А. является гарантом от предъявления мне этих долгов», «Он должен был выступить неким гарантом в этой сделке, чтобы потом её нельзя было оспорить»* (из пояснений И. на заседании Совета 28 февраля 2022 года; см. также её объяснения на заседании Квалификационной комиссии 19 января 2022 года).

Вместо этого адвокат А., которому И. доверила поиск правовых путей разрешения её проблем, считая его исполнителем и гарантом проведения безопасной для неё сделки, сам предъявил к ней финансовые претензии практически в полном объеме на основании приобретенных им прав требования, что, по мнению Совета, дало заявителю И. весомые основания считать предпринятые против неё адвокатом А. действия обманом и подрывом доверия со стороны лица, к которому она ранее обратилась за оказанием правовой помощи.

Совет, как и Квалификационная комиссия, считает такие претензии заявителя И. обоснованными, нашедшими полное подтверждение в ходе дисциплинарного разбирательства и усматривает в данной части в действиях адвоката А. нарушение п. 2 ст. 5 КПЭА (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре).

При этом Совет отмечает, что недовольство (даже и обоснованное) адвоката А. неисполнением И. обязательств перед ним, вытекающих из ранее

заключенных соглашений об оказании правовой помощи, ни при каких обстоятельствах не может быть поводом для совершения в отношении доверителя действий, противоречащих профессионально-этическим требованиям, предъявляемым к адвокатам.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката А. за допущенные дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их грубый и умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом А. фундаментальных профессионально-этических требований, повлекшем конфликт с доверителем.

Одновременно с этим Совет учитывает, что адвокат А. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

При таких обстоятельствах Совет полагает возможным сохранить адвокату А. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде **предупреждения** за:

- ненадлежащее, вопреки положениям абз. 3 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат вправе инвестировать средства и распоряжаться своим имуществом, включая недвижимость, а также извлекать доход из других источников, например, от сдачи недвижимости в аренду (наем), если эта деятельность не предполагает использование статуса адвоката»), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в том, что в ходе оказания юридической помощи доверителю И. он за свой счет приобрел у И. на основании Договора уступки права требования от 26 ноября 2020 года № ... имущественные права требования к доверителю И. на сумму 2 900 000 рублей, возникшие из заключенных между И. и ООО «...» договоров займа от 27 декабря 2017 года и от 09 января 2018 года, фактически уплатив за них И. 100 000 рублей;

- нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре), выразившееся в том, что, получив в ходе оказания юридической помощи доверителю И. информацию о наличии у И.

долговых обязательств перед ООО «...» в сумме 2 900 000 рублей, возникших из заключенных между И. и ООО «...» договоров займа от 27 декабря 2017 года и от 09 января 2018 года, и приобрета по просьбе И. данные права требования за 100 000 рублей на основании Договора уступки права требования от 26 ноября 2020 года № ..., заключенного с И., он, действуя вопреки интересам И. и ранее достигнутой договоренности, предъявил 20 апреля 2021 года в Н. районный суд Н. области иск о взыскании с И. задолженности по вышеуказанным договорам займа в сумме 2 650 000 рублей.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков